

ЧЕХОВСКИЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ}}$ 1910.

Чеховъ за границей.

(Отрывки изъ неизданныхъ писемъ).

Передо мною—нѣсколько листовъ, покрытыхъ тонкимъ бисернымъ письмомъ. Этотъ мелкій бисеръ буквъ набросала хорошо знакомая, дорогая рука. Эти уже слегка тронутые желтизной листки—крохотная доля того большого наслѣдства писемъ, которое оставилъ А. П. Чеховъ. Оно еще ждетъ, чтобы его бережно собрали, привели въ правильный, стройный порядокъ и отдали въ наше общее пользование.

Въ письмахъ Чеховъ, всегда скупой на слова, отразился со всею тихою красотой своей чистой души, со всею своею мягкостью, нѣжностью и неподдѣльною скромностью, во всей влекущей прелести незлобиваго, теплаго юмора и ласковой любви къ человѣку. Такимъ угадывается Чеховъ-человѣкъ въ его произведеніяхъ. И такимъ особенно четко вырисовывается въ письмахъ, хотя и въ нихъ рѣдко экспансивенъ, почти не разстается съ маской шутки и нѣкоторою ироніей къ себѣ.

„Письма Чехова похожи на его рассказы. Отъ нихъ трудно оторваться“, такъ напутствовалъ недавно одинъ критикъ изданіе чеховской переписки. Рѣдкое письмо Антона Павловича не оправдываетъ этихъ словъ. Потому что его письма—не только драгоценнѣйшій биографическій матеріалъ, изъ котораго кто-нибудь когда-нибудь сложитъ исторію его короткой и красивой жизни и нарисуетъ Чехова во весь его большой нравственный ростъ. Эти письма очень часто—и источникъ настоящаго, тонкаго наслажденія. Они умѣютъ волновать, трогать, они шевелятъ настроенія и мысли, такія ясныя, печально-прекрасныя, и зовутъ на губы хорошую, тихую улыбку...

Каждый разъ, когда случается прикоснуться къ этимъ мелкимъ бисеромъ унизаннымъ листкамъ, начинаешь еще сильнѣе и нѣжнѣе любить писавшаго ихъ. Не цѣнить, а именно любить, какъ любишь близкаго, друга. И еще острѣе тогда боль, что ужъ нѣтъ его съ нами, что такъ безпощадно-рано разразилась баденвейлерская катастрофа и погасъ свѣтъ этой благородной и богатой души, такъ нѣжно свѣтившей Россіи среди ея унылыхъ, мгlistыхъ сумерекъ, среди холодной, черной ночи.

Чахотка доконала Чехова, когда, казалось, правдивыя и лишь наружно-безстрастныя чеховскія изображенія уже уходятъ въ безвозвратное прошлое, когда, казалось, начинается уже расплзаться мгла, скоро займется ясное утро, сбудутся и чеховскія мечты о жизни прекрасной. Утренній лучъ оказался обманнымъ. Еще гуще сумерки, кошмарнѣе ночь. Далекъ настоящій разсвѣтъ. И некому сказать: „Мы отдохнемъ, мы увидимъ небо въ алмазахъ“... Сегодня, когда пятьдесятъ лѣтъ съ рожденія Чехова, не вокругъ него, только вокругъ могилы его на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря соберутся любящіе его. Принесутъ туда вмѣстѣ съ благоговѣйною памятью великую тоску, осколки разбитыхъ надеждъ. Печаленъ будетъ сегодняшній „чеховскій день“, въ чеховскихъ тонахъ осталась „чеховскою“ Россія; мы стали богаче только разочарованіемъ.

Я радъ возможности вызвать въ этотъ день изъ далекаго прошлаго голосъ самого Чехова, заставить его говорить черезъ свои письма. Пользуясь разрѣшеніемъ наслѣдниковъ Антона Павловича, я привожу здѣсь отрывки изъ его писемъ къ семьѣ, до сихъ поръ остававшихся неопубликованными. Эти письма—къ сестрѣ, М. П. Чеховой, къ женѣ, О. Л. Книпперъ, къ родителямъ,—самая драгоценная часть чеховской переписки и самая обширная. И нужно пожелать, чтобы семья А. П. поскорѣ осуществила свое намѣреніе,—разобралась въ этомъ наслѣдствѣ, прибавила къ нему тѣ письма, которыя теперь собираетъ у другихъ корреспондентовъ Чехова, и сдѣлала все это достояніемъ всѣхъ, кому дорогъ Чеховъ, т.-е. всей читающей Россіи. Знаю, что были долгія колебанія. Не рѣшались отдать на типографскій станокъ эти священныя реликвіи. Теперь рѣшились.

Тѣ письма, которыя предоставлены въ мое распоряженіе, относятся къ первой поѣздкѣ А. П. Чехова на Западъ,

раннею весной 1891 г. Повидимому, „заграница“ произвела на него большое впечатлѣніе. Правда, нигдѣ въ своихъ описаніяхъ, въ передачѣ новыхъ впечатлѣній онъ не разстается съ обыкновенною своею шутиливою манерой; письма перестраиваются юмористическими подробностями во вкусѣ Антоши Чехонте. „Когда подають счетъ,—разсказываетъ онъ въ одномъ письмѣ,—то спрашиваютъ: „Wie viel Brödchen?“ Т.-е. сколько слопалъ булочекъ? И берутъ за всякую булочку“. Но иногда сила произведеннаго впечатлѣнія ярко сказывается, и среди шутокъ прорывается искреннее восхищеніе.

Первымъ городомъ въ этой поѣздкѣ была Вѣна. 19 марта Чеховъ пріѣхалъ туда, при чемъ ѣхалъ,—пишетъ онъ,—„какъ желѣзнодорожная Нана, въ роскошномъ вагонѣ „Интернаціональнаго Общества спальныхъ вагоновъ“. А 20 писалъ сестрѣ:

„Ахъ, друзья мои, тунгусы, если бы вы знали, какъ хороша Вѣна! Ее нельзя сравнить ни съ однимъ изъ тѣхъ городовъ, какіе я видѣлъ въ своей жизни. Улицы широкія, изящно вымощенныя; масса бульваровъ и скверовъ, дома все 6-и 7-миэтажные. А магазины, это—не магазины, а сплошное головокруженіе, мечта!“ „Однихъ галстуконъ въ окнахъ,—прибавляетъ онъ, переходя въ тонъ шутокъ,—милліарды“.

Всюду, и въ Вѣнѣ и потомъ въ Италіи, производила на Чехова большое впечатлѣніе архитектура:

„Церкви громадныя,—пишетъ онъ въ вѣнскомъ письмѣ,—но онѣ не давятъ своей громадой, а ласкають глаза, потому что кажется, что онѣ сотканы изъ кружева. Особенно хороши соборъ св. Стефана и Votiv-Kirche. Это — не постройки, а печенье къ чаю. Великолѣпны парламентъ, Дума, университетъ. Все великолѣпно, и я только вчера и сегодня какъ слѣдуетъ понять, что архитектура—въ самомъ дѣлѣ искусство. Здѣсь это искусство попадаетъ не кусочками, какъ у насъ, а тянется полосами въ нѣсколько верстъ“.

А черезъ пять дней, пріѣхавъ въ Венецію, А. П. Чеховъ писалъ домой, весь охваченный восторгомъ:

„Восхитительная, голубоглазая Венеція шлетъ всѣмъ вамъ привѣтъ... Архитектура упоительная, все граціозно и легко, какъ птицеподобная гондола... Такіе дома и церкви могли строить только люди, обладающіе громаднымъ художественнымъ и музыкальнымъ вкусомъ и одаренные льви-

нумъ темпераментомъ“. „Есть улицы, — продолжаетъ онъ описаніе настроившей его очень поэтично столицы каналъ и гондолъ,—широкія, какъ Невскій, и есть такія, гдѣ, растопыривъ руки, можно загородить всю улицу. Центръ города, это—площадь св. Марка со знаменитымъ соборомъ того же имени. Соборъ великолѣпенъ, особенно снаружи. Рядомъ съ нимъ—дворецъ дожей, гдѣ Отелло объяснялся передъ дожемъ и сенаторами. Вообще говоря, нѣтъ мѣстечка, которое не возбуждало бы воспоминаній и не было трогательно. Напримѣръ, домикъ, гдѣ жила Дездемона, производитъ впечатлѣніе, отъ котораго трудно отдѣлаться“.

Въ Вѣнѣ Чехова поразило, между прочимъ, обиліе книжныхъ магазиновъ: „Въ каждомъ магазинѣ непремѣнно книжный магазинъ. На окнахъ книжныхъ магазиновъ попадаютъ и русскія книги. Но,—увы!—это сочиненія не Альбова, не Баранцевича и не Чехова, а всякихъ анонимовъ, пишущихъ и печатающихъ за границей. Видѣлъ я Ренана, „Тайны Зимняго дворца“ и т. п. Странно, что здѣсь можно все читать и говорить, о чемъ хочешь“. Напомню, — это писалось въ 1891 г., когда въ Россіи книга была подъ особенно суровой опалой, и Ренанъ, теперь безпрепятственно продающійся въ любой книжной лавкѣ, почитался архибезбожникомъ, а книги его—чтеніемъ опаснымъ.

И опять звенить веселая шутка: „Разумѣйте, языцы, какіе здѣсь извозчики, чортъ бы ихъ взялъ! Пролетокъ нѣтъ, а все новенькія, хорошенькія кареты въ одну и чаще въ двѣ лошади... На козлахъ сидятъ франты въ пиджакахъ и цилиндрахъ, читаютъ газеты. Вѣжливость и предупредительность“. „Женщины красивы и изящны. Да вообще все чертовски изящно“. „Всѣ встрѣчные узнаютъ въ насъ русскихъ и смотрятъ мнѣ не въ лицо, а на мою шапку съ просѣдью. Глядя на шапку, вѣроятно, думаютъ, что я—очень богатый русскій графъ“.

Знаменитый переѣздъ изъ Вѣны въ Венецію, чрезъ Земмерингъ, не оставилъ въ Чеховѣ очень большого впечатлѣнія, обманулъ его ожиданія: „Отъ Вѣны до Венеціи ведетъ красивая дорога, о которой раньше мнѣ много говорили. Но я разочаровался въ этой дорогѣ. Горы, пропасти, а снѣговыя вершины, которыя я видѣлъ на Кавказѣ и на Цейлонѣ, гораздо внушительнѣе, чѣмъ здѣсь“. Но самая „голубоглазая Венеція“, какъ видно уже изъ цитированнаго отрывка, очаровала.

„Самое лучшее время въ Венеціи, это—вечерь. Во-первыхъ, звѣзды; во-вторыхъ, длинныя капалы, въ которыхъ отражаются огни и звѣзды; въ-третьихъ, гондолы, гондолы и гондолы; когда темно, онѣ кажутся живыми. Въ-четвертыхъ, хочется плакать, потому что со всѣхъ концовъ слышатся музыка и превосходное пѣніе. Вотъ плыветъ гондола, увѣшанная разноцвѣтными фонариками: свѣта достаточно, чтобы разглядѣть контрабасъ, гитару, мандолину, скрипку... Вотъ другая такая же гондола... Поютъ мужчины и женщины, и какъ поютъ! Совсѣмъ опера. Въ-пятыхъ,—тепло“...

Или въ другомъ мѣстѣ письма: „Теперь представьте, что на улицахъ и въ переулкахъ вмѣсто мостовыхъ—вода; представьте, что во всемъ городѣ нѣтъ ни одной лошади, что вмѣсто извозчиковъ вы видите гондольеровъ на ихъ удивительныхъ лодкахъ, легкихъ, нѣжныхъ, носатыхъ птицахъ, которыя едва касаются воды и вздрагиваютъ при малѣйшей волнѣ. И все отъ неба до земли залито солнцемъ“.

„Въ воздухѣ стоитъ гулъ отъ звона. Друзья мои, тунгусы, давайте примемъ католичество! Если бы вы знали, какъ хороши въ церквахъ органы, какая здѣсь скульптура, какія итальяночки, стоящія на колѣняхъ съ молитвенниками!“

„Однимъ словомъ,—заканчиваетъ Чеховъ свои восторженные венеціанскія описанія, на этотъ разъ даже почти не прерываемыя шуткой,—дуракъ тотъ, кто не ѣдетъ въ Венецію“. „Крымъ передъ Венеціей, это—каракавица и китъ“.

Въ концѣ апрѣля А. П. Чеховъ пріѣхалъ въ Парижъ.

„Пріѣхалъ я въ Парижъ,—пишетъ онъ сестрѣ 21-го апрѣля,—въ пятницу, утромъ, и тотчасъ же поѣхалъ на выставку. Да, Эйфелева башня очень, очень высока. Остальныя выставочныя постройки я видѣлъ только снаружи, такъ какъ внутри находилась кавалерія, приготовленная на случай беспорядковъ. Въ пятницу ожидалось волненія. Народъ толпами ходилъ по улицамъ, кричалъ, свисталъ, волновался, а полицейскіе разгоняли его. Чтобы разогнать большую толпу, здѣсь достаточно десятка полицейскихъ. Полицейскіе дѣлаютъ дружный натискъ, и толпа бѣжитъ, какъ сумасшедшая. Въ одинъ изъ натисковъ и я сподобился: полицейскій схватилъ меня за лопатку и сталъ толкать впередъ себя“.

Парижъ поразилъ Чехова кипучей уличной жизнью. „Масса движенія. Улицы роятся и кипятъ. Что ни улица, то Терекъ бурный. Шумъ, гвалтъ. Тротуары заняты столиками; за столиками — французы, которые на улицѣ чувствуютъ себя, какъ дома. Превосходный народъ“.

Впрочемъ, въ передачѣ парижскихъ впечатлѣній А. П. Чеховъ очень кратокъ. „Парижа не онишешь,—говоритъ онъ въ письмѣ,—отложу его описаніе до моего прїѣзда“. Побываль Чеховъ, между прочимъ, въ „Салонѣ“, на картинной выставкѣ. Французская живопись его, друга Левитана, не привела въ особый восторгъ.

„Кстати сказать,—пишетъ онъ,—русскіе художники гораздо серьезнѣе французскихъ. Въ сравненіи со здѣшними пейзажистами, которыхъ я видѣлъ вчера, Левитанъ — король“.

Цитируемое парижское письмо — послѣднее. Чеховъ спѣшилъ домой, въ родную, нѣжно любящую семью. Мысль о ней никогда не оставляла его въ заграничныхъ скитаніяхъ. И письма полны самой трогательной заботы о семьѣ, вниманія ко всѣмъ мелочамъ ея жизни. Трогательная любовь къ старику-отцу, матери, Е. Я. Чеховой, сестрѣ, братьямъ, близкимъ, трогательная о нихъ забота сквозятъ вездѣ, — и въ тѣхъ письмахъ, отрывки которыхъ я привелъ, и въ тѣхъ, съ которыми случилось мнѣ знакомиться. „Христосъ воскрес!“ пишетъ Чеховъ въ парижскомъ письмѣ. И прибавляетъ: „Это — первая Пасха, которую провожу я не дома“. И это звучитъ такъ ласково, такой любовью къ дому.

„Все лѣто,—пишетъ онъ въ надняхъ напечатанномъ въ „Друкарѣ“ письмѣ изъ Италіи, относящемся уже ко второй его заграничной поѣздкѣ, осенью 1897 г., — у насъ, господа дворяне (одно изъ шуточныхъ обращеній Чехова къ своимъ семейнымъ; другія: „друзья мои, Чехи“, „друзья мои, тунгусы“, въ вѣнскомъ письмѣ), не будетъ денегъ, и мысль объ этомъ портитъ мнѣ аппетитъ. За поѣздку, которую solo совершилъ бы за 300 руб., я задолжалъ тысячу. Вся надежда на любителей, которые будутъ играть моего „Медвѣдя“. „Наняли ли вы, сеньоры, дачу?“ заботливо спрашиваетъ онъ въ томъ же письмѣ. „Въ будущемъ году поѣдемъ всѣ на дачу въ Венецію“, полушутитъ онъ въ письмѣ изъ Венеціи, и въ этой шуткѣ чувствуется искреннее сожалѣніе, что родные лишены возможности полюбоваться,

какъ онъ, „голубоглазымъ“ городомъ. „Я скучаю по домѣ и по всѣмъ вамъ, да къ тому же еще мнѣ совѣстно, — пишетъ онъ изъ Вѣны, — что я опять бросилъ васъ. Ну, да не бѣда! Вернусь и буду безвыѣздно сидѣть дома цѣлый годъ. Всѣмъ клянусь, всѣмъ!“ И много можно бы набрать такихъ свидѣтельствъ, какъ нѣжно, заботливо и красиво относился къ своей семьѣ этотъ исключительно красивый душою человѣкъ, неистошимо ласковый, идеально-деликатный, съ истиннымъ гениемъ чуткости.

Такимъ былъ Чеховъ въ отношеніяхъ со всѣми, друзьями, знакомыми, въ задушевныхъ разговорахъ и въ случайныхъ встрѣчахъ. Нѣтъ человѣка, который когда-нибудь почувствовалъ бы себя обиженнымъ или задѣтымъ Чеховымъ, въ которомъ отъ приближенія къ Антону Павловичу отложилось бы что-нибудь, кромѣ мягкаго, нѣжнаго чувства обласканности. Оттого такъ свѣтлы всѣ воспоминанія о Чеховѣ.

И это былъ въ Чеховѣ не какой-нибудь надуманный образъ поведенія. Это была его натура. Она наполнила такой прелестью его жизнь, его произведенія, его письма.

Н. Эф.

